

М. А. Гусев.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С б о р н и к V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

С. В. ЖУКОВСКИЙ

МОЙ ОТЕЦ

Советские ученые-востоковеды осветили научную и педагогическую деятельность В. А. Жуковского. Я же хочу поделиться личными воспоминаниями об отце.

Аккуратность — одна из самых характерных черт отца. Аккуратен он был во всем. Он прекрасно знал, где стоит нужная ему книга на полке, и мог в темноте безошибочно найти ее. Вечером, закончив работу, отец ничего не складывал и на следующее утро мог продолжать прерванный накануне труд.

Валентин Алексеевич никогда не ставил себе целью написать больше и скорее. Он не разбрасывался и не перескакивал с одной темы на другую, а тщательно отшлифовывал собранный им материал. По словам академика С. Ф. Ольденбурга, манера излагать свои мысли отчетливо и ясно «вполне характеризовала писавшего: ясность и отчетливость мысли, отвращение от туманных или неопределенных общих построений и гипотез, большая фактичность».

Аккуратность отца послужила основанием к приглашению его нести кропотливые секретарские обязанности на факультете, которые он выполнял с 1892 по 1902 г. В 1902 г. Жуковский был избран деканом факультета восточных языков. В деканате ему приходилось вести большую и сложную работу, которая, естественно, мешала научным занятиям. За годы деканства ему неоднократно приходилось временно исполнять обязанности ректора университета. Его университетские друзья не раз предлагали ему выставить свою кандидатуру на должность проректора университета, гарантируя блестящие выборы на общем собрании. От этого он категорически отказывался, полагая, что высокий административный пост отнимет у него слишком много времени и не даст возможности заниматься научной работой. Он не считал для себя возможным принять по этой же причине и сделанное ему (не помню точно, в каком году) предложение занять пост товарища министра народного просвещения.

Воспитывать новое поколение востоковедов — такова была одна из целей его жизни. Он читал лекции студентам на протяжении тридцати двух лет, с 1886 г. и до самой смерти. Насколько мне известно, он не пропустил за свою жизнь ни одной лекции, не считая тех случаев, когда бывал присяжным заседателем.

Отношение Жуковского к студентам было исключительным, а иногда чисто отеческим. Приведу несколько примеров.

Поздняя осень. Глубокой ночью звонок в нашу квартиру в районе Пяти углов. Отец с тревогой идет к входной двери. «Кто тут?» — спрашивает он. С лестницы что-то отвечают, и отец открывает дверь. В квартиру входит с корзиной на спине молодой красивый студент, восточного типа, со взерошенными волосами, почти обезумевший от страха. «Что случилось?» — спрашивает отец. «Я к вам, Валентин Алексеевич. У меня на Васильевском острове сейчас был пожар. Все сгорело. Вот только это удалось мне спасти», — показывает погорелец на корзину. «Здесь казенные, университетские книги и кое-что из белья. Мне некуда деться, и я прибежал к вам». Отец приглашает студента, Н. Я. Марра, будущего академика, войти и успокаивает его. Вместе с матерью он устраивает студента на ночь, напоив его горячим чаем. Утром потерпевший снабжается всем необходимым на первое время, и благодарный ученик покидает гостеприимного учителя.

В другой раз днем приходит совершенно растерянный студент Л. Ф. Богданов. У него умерла мать. Хоронить не на что. Да и вообще, что же он теперь будет делать? У него нет ничего и ничего. И на этот раз студент получает ряд добрых советов и материальную поддержку.

Был и такой случай. Идем мы с отцом вместе по дворцовому мосту в университет. Навстречу идет великовозрастный студент И. И. Шубин. До поступления на Восточный факультет он окончил Духовную академию и уже был на службе. «Вы куда идете, молодой человек? — обращается к нему отец. — Ведь у вас сейчас экзамен, а вы идете в обратную от университета сторону». «Я не могу идти на экзамен, господин профессор». — «Почему?» — «Я ничего не знаю и провалюсь». — «Пустяки, идем в университет». — «Да нет, Валентин Алексеевич, я не пойду. Я знаю, что не выдержу экзамена». — «Пустяки, — настаивает отец. — Идите вместе, я знаю, что вы экзамен выдержите. Вам бояться нечего». Шубин продолжает отказываться. Тогда отец совершенно спокойно берет его под руку, и мы втроем идем в университет. Мой однокурсник Шубин прекрасно выдержал экзамен. Отец хорошо знал каждого из своих уче-

ников и никогда не пользовался замешательством студента на экзамене, чтобы его «срезать». Наоборот, знающего, но робящего студента он старался навести на правильный ответ, и, если даже студент почему-либо отвечал хуже, чем были его познания, Валентин Алексеевич ставил ему хорошую отметку. Этого нельзя было наблюдать в отношении тех молодых людей, которые в течение года не занимались и не присутствовали на лекциях. Здесь была строгая, но всегда справедливая оценка их познаний.

Приведу еще один случай с моим однокурсником, оставленным при университете по кафедре арабской словесности, будущим академиком И. Ю. Крачковским. Наша семья пригласила его на время поселиться у нас, когда Крачковский тяжело переживал болезнь и смерть своего учителя В. Р. Розена.

Приведенные случаи не были единственными. Валентин Алексеевич пользовался большой любовью своих учеников, которые по окончании университета служили на Востоке. Приезжая в Петербург, они всегда заходили к отцу поделиться с ним своими впечатлениями о странах, где протекала их работа. Многие из них находились в переписке с отцом и присылали и приносили ему интересующие его научные материалы. Назову лишь нескольких из таких учеников: Г. Д. Батюшков, А. К. Беляев, А. Я. Миллер, В. П. Никитин, И. Ф. Похитонов, С. М. Шапшал и другие.

Я позволю себе более подробно остановиться на деятельности моего отца в Учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел.

В 1904 г. Жуковскому предложили пост директора Учебного отделения восточных языков, готовившего в течение двух лет дипломатических и консульских работников для стран Ближнего и Среднего Востока. До назначения моего отца Учебное отделение в министерстве называли «лавочкой». И не случайно. Как только освобождалась должность на Востоке, министерство в любое время года и вне зависимости от курса обучающегося отправляло того или иного слушателя туда на службу.

Жуковский, став директором, категорически воспротивился таким порядкам и запретил произносить слово «лавочка». Вторым его шагом была замена малопригодных преподавателей и переводчиков более квалифицированными, но, чтобы провести эту, казалось бы, простую реформу, потребовалось два-три года.

При Жуковском учебный год начинался в строго определенное время — 1 сентября. Все поступающие сдавали вступительные экзамены.

Жуковский приступил к разработке проекта реформы Отделения, согласно которой оно должно было готовить дипломатов не только для Ближнего и Среднего, но и для Дальнего Востока. Жуковский начал собирать материалы о постановке изучения восточных языков на родине и за границей. Жуковский собрал данные о Московском Лазаревском институте восточных языков, о Владивостокском институте, о вновь образовавшейся Практической восточной академии, о специальных курсах для военных и т. д. Сложнее было найти материалы о постановке дела за границей. Отца особенно интересовала школа живых восточных языков в Париже, с директором которой Полем Буайе он был хорошо знаком. Проект, подготовленный Жуковским, предусматривал: увеличение числа слушателей более чем вдвое, а также увеличение числа профессоров и преподавателей, так как вводились языки Дальнего Востока, курсы политической экономии, исторической географии, консульского и торгового права; предусматривались летние командировки для практической работы на Востоке; обязательные выпускные экзамены. Срок обучения оставался двухгодичным.

Осуществление проекта Жуковского превратило бы Учебное отделение в отвечающую всем требованиям того времени школу, готовившую квалифицированных специалистов. Но претворению в жизнь проекта помешало противодействие генерала Шведова, возглавлявшего Практическую восточную академию.

Одобренный Министерством иностранных дел план реформы Учебного отделения был представлен на рассмотрение Государственной Думы. Однако план этот не был принят думской комиссией. Отец присутствовал на заседаниях этой комиссии и был поражен равнодушием депутатов и их полным непониманием вопроса.

До конца своей жизни Жуковский с благодарностью вспоминал о своих учителях. В 90-х годах, во время каникул, мы проездом остановились на один день в Феодосии. Случайно отец узнал, что директором местной средней школы был его учитель гимназии. Отец отправился к нему и, не застав его дома, пришел к нему вторично и провел с ним много часов. Но особые чувства питал отец к арабисту В. Р. Розену. Розен очень хорошо относился к своим студентам, но Жуковского он любил, как родного сына. Хотя Розен был специалистом по арабскому языку, он, прекрасно зная персидский язык, помогал моему отцу, оставшемуся после окончания университета без руководителя. Можно с уверенностью сказать, что именно Виктор Романович вывел моего отца в ученые. Их взаимная дружба прервалась лишь со смертью Розена в 1908 г. На про-

тяжении более двадцати лет отец делился с ним всеми своими планами и мыслями и мог в любое время посетить своего учителя, чтобы воспользоваться его советом. Розен приезжал к нам каждый понедельник, чтобы за чашкой чая побеседовать о делах. Смерть любимого учителя нанесла моему отцу жестокий удар.

Отец относился ко мне с большой требовательностью. На втором курсе открылась возможность летней командировки в Персию с экспедицией, организуемой Министерством торговли и промышленности. В связи с этим к нам приехали профессор Н. Я. Марр и поставленный во главе экспедиции Н. И. Ама-туни с просьбой отпустить меня в командировку, как студента, проявляющего способности и интерес к Персии. Отец ответил отказом, заявив: «На курсе имеются студенты, так же хорошо разбирающиеся в персидском языке и интересующиеся Персией, как и мой сын. Им такая поездка будет гораздо полезнее, чем Сергею». И вместо меня поехал мой однокурсник А. И. Горячкин.

Еще один случай. Мой отец на протяжении многих лет назначался председателем Испытательной комиссии государственных экзаменов. Во время экзамена по персидскому языку и литературе ассистентами были акад. К. Г. Залеман, в лицо меня не знавший, и проф. А. Э. Шмидт, с которым я был знаком. Отец вызывает студентов не по фамилии, а жестом приглашает подойти к экзаменационному столу. Таким же жестом он предлагает приблизиться к столу и мне. Когда я занял место, отец спойойно поднялся и сказал: «Карл Германович, я очень прошу Вас проэкзаменовать этого молодого человека, а я пойду покурю и скоро вернусь». Когда В. А. Жуковский вернулся, меня еще экзаменовали и ассистенты предложили ему закончить экзамен, но он отказался. По окончании экзамена, отец спросил К. Г. Залемана. «Как Вы нашли познания этого молодого человека?» — И получив соответствующий ответ, Валентин Алексеевич сказал ему тихо: «Это мой сын».

Мало кому известно, что отец был большим любителем искусства. В юношеские годы он рисовал акварелью. Это были прекрасно исполненные пейзажи миниатюрных размеров, нарисованные в нежных, приятных глазу тонах. Но больше всего он любил музыку. Сам он хорошо играл на рояле и цитре, хотя при мне отец на ней не играл. Любимыми его операми были «Руслан и Людмила», «Князь Игорь» и «Демон», возможно, потому, что в них было много дорогих его сердцу восточных мотивов.

Жуковский принял большое участие в постановке на сцене

театра А. С. Суворина в Петербурге (примерно в 1910 г.) пьесы «Баб» из персидской истории, написанной в стихах поэтессой И. А. Гриневской. Гриневская вместе с отцом выработала все детали оформления пьесы. К работе в театре по совету Жуковского был привлечен талантливый художник-передвижник В. Я. Суреньянц, побывавший в Персии и прекрасно знавший персидскую историю и быт. Декорации, костюмы и бутафория были выполнены под наблюдением Валентина Алексеевича.

Наш дом посещал и драматург В. И. Величко. Работая над своими «Восточными мотивами», он обратился к отцу с просьбой ознакомить его с подлинным персидским поэтическим творчеством. Между поэтом и профессором завязалась дружба. Написав новое стихотворение, Величко приходил ознакомить отца с ним. Их дружеские беседы затягивались далеко за полночь. У Величко, жившего неподалеку от нас, Жуковские встречались с известными в то время литераторами, в частности с Н. А. Лесковым, философом Владимиром Соловьевым.

В заключение мне остается лишь добавить, что Валентин Алексеевич хорошо владел западными языками — немецким, французским и английским. Всю научную литературу на этих языках он читал без словарей, но он никогда не говорил на них. Он был подлинно русским человеком, горячо любившим свою родину и родной русский язык. Его лозунгом было не «что скажет запад», а «что скажет Россия». И ей, дорогой родине, он остался верен до гроба.
